

А) Един голос

«И, увлекшись греховными обольщениями, сказали о Всеблагнем, что Его нет» (3 Езд. 7: 23).

Когда нашего Господа Иисуса Христа судили в Сионе, то за Него издал (в защиту Христа) один голос ученый Гамалиил. Остальные члены Синедрисона выступили — казнить Христа.

Когда Спасителя нашего распяли на Кресте, издавались над Ним, смеялись, глумились, злорадствовали все: начальники и народ, только один голос — голос разбойника — возвысился в защиту Иисуса Христа...

Когда в первом веке тиран и мучитель римский император Нерон поставил вопрос в сенате, чтобы уничтожить юную Христову Церковь и утопить ее в собственной ее крови, то в защиту христиан выступил один голос неизвестного сенатора. Христианская Церковь тогда была вырезана и уничтожена, и первоверховные апостолы ее — Петр и Павел — были публично казнены.

И сколько потом было ужасных случаев (в I, II, IV, V и др. веках), когда Церковь Божия сильными мира сего ставилась на карту уничтожения, и в защиту ее был один голос или два, а то и ни одного...

В итоге Церковь страдала, дети ее мучились, убивались, сжигались, аушались, топились, умирали с го-

лоду, от холода, даже малые младенцы не щадились, а резали их кинжалами, выкалывали им глаза, разбивали о камни, давили сапогами, кололи иголками, нанизывали на длинные копыя и, подняв над головами, носили по городу...

И все-таки Церковь Божия продолжала жить и умножаться. Исчезли с лица земли мучители христиан: Нероны, Диоклетианы, Траяны, Юлианы — нет их, они съедены червями, и прах их развеялся по лицу земли. А Церковь Божия живет и ныне. Что за диво дивное, что за тайна великая, что за сила такая живет в Церкви Божией, и никак с нею никому не справиться?!

И всем она мешает, хотя и всем служит, всем же лает добра и за врагов даже молится. И все же всем мешает.

«Он — язва общества, — говорили про Спасителя, — убьем Его, чтобы в обществе был порядок и спокойствие». Так же говорили и про апостола Павла и других апостолов, святителей, мучеников. Мучили их, убивали, а порядка все в обществе не было.

Когда светские люди хотят, чтобы нароа их выбрал депутатом, или судьей, или правителем, то они стараются, прямо «из кожи лезут», чтобы только набрать за себя как можно больше голосов. А возьмите разные партии, сколько их во всем мире, и все они борются одна против другой, и каждая из них хочет иметь

больше голосов за себя, чтобы быть победительницей в выборах.

А теперь как много стало партий в мире, что невозможно их перечесть. Говорят, явилась новая партия и выдвинула свою программу, состоящую всего из двух слов: «Телевизоры и холодильники». И вот эта новая партия также будет претендовать непременно на большее количество голосов за себя. Иначе и быть не может. Ведь телевизоры и холодильники дают все, что только надо современному человеку. «Хлеба и зрелищ!» — во все горло кричали древние язычники. «Холодильники и телевизоры!» — кричат новые язычники XX века. Больше нам ничего не надо, дайте нам холодильники и телевизоры...

А еще явилась одна партия со своей программой, состоящей из двух слов: «За власть», другая, ей подобная — «За белых», третья — «За желтых», четвертая — «За черных пантер» и проч. и проч. И все включились в активную борьбу за первенство, и сочувствие, и большинство голосов в народе.

Всего один голос!

Да, рассказывали такой случай, как в одном женском монастыре выбирали игуменью. Старая игуменья померла, а новую надо выбрать самим сестрам.

Такой закон свободной демократии — без назначения свыше от церковного начальства, как вообще теперь бывает, а путь простого голосования и большинства голосов...

Были выдвинуты три передовые монашки, которые, по мнению сестер, достойны были занять место игуменьи. Пока сестры думали в трапезной и подсчитывали голоса (талончики при тайном голосовании), в коридор вошел старенький архимандрит и, позвав к себе одну сестру, отвел ее в угол и сказал ей:

— Никому не скажешь, чего открою тебе?

— Никому, — отвечает сестра.

— Слухай (отец архимандрит был украинец), игуменя будет та, — сказал он тихо, — яка будет иметь один голос.

— Как так? — удивилась сестра.

— Вот побачишь, — сказал старец и пошел в свою келию.

Действительно, когда подсчитали голоса, то оказалось, что за двух сестер было подано по 50 голосов, т.е. поровну, а за третью — всего один голос. Не зная, что теперь делать, сестры решили вынуть жребий. Они написали три бумажки с именами этих кандидаток, положили их в клубок и велели маленькой девочке вынуть одну бумажку. И что вы думаете? Девочка вынула бумажку с именем сестры, имевшей один голос.

Вот как действует и избирает Бог. Люди избирают человека в большинстве по внешним качествам, они смотрят на лицо, как говорит Апостол, а Бог избирает по внутренним качествам, Бог смотрит на сердце человека. Так не смущайся, раб Христов, когда ты видишь, что тебя никто не защищает из людей. И ты сам не стайся искать себе сторонников, которые бы за тебя заступились в трудную минуту. Но ищи себе опоры в Боге. Он один стоит за тебя, и если медлит заступиться за тебя, все равно ты верь, что окончательная победа будет за тобой, хотя и никто из людей тебя не поддерживает.

И вот эта игуменья, которую выбрал «един голос», потом делала великие добрые дела. Так, например, в эту последнюю войну она со своими сестрами спасла более трехсот малых детей. Эти дети были силой отняты у матерей гитлеровцами, которые хотели увезти их в Германию. Однако им это не удалось. Советские войска перешли в наступление, и гитлеровцы бросили детей на одном из глухих полустанков Украины. Была зима, суровые морозы. Жители все скрылись по лесам, и дети мерзли и умирали от голода. Игуменья, которую звали Павлина, кто-то сказал, что в тридцати километрах от монастыря погибают дети.

Недолго думая, мать Павлина взяла своих сестер, провизию и отправилась пешком к полустанку. Каждую минуту могли нагрянуть немцы и убить сестер, но они

шли и шли, не обращая внимания на опасность. Когда они добрались до эшелона, в котором были дети, они ужаснулись: ребятишки кричали и плакали, зовя на помощь свою маму. Которые побольше, вылезли наружу, рваные и голодные. Они замерзли на снегу, не имея сил забраться в вагоны. А малые детишки, лет четырех-шести, не вылезали из вагона. Они от голода и холода умирали на дощатых нарах, лежа на сырой и грязной соломе. На весь длинный эшелон слышались одни вопли, плач и стоны умиряющих детей.

Мать Павлина со своими сестрами поспешила к ним на помощь. «Мама! Мама! Милая мама!» — кричали в один голос дети, увидев сестер, подбежавших к вагонам. Какая же радость вместе с плачем вырвалась из груди больных детей, когда увидели они ласковые лица сестер и принесенные им хлеб и продукты. Плакали дети, особенно девочки, они обнимали и целовали монашенок, видя их материнскую заботу. Плакали и сестры, видя несчастных детей, брошенных на произвол судьбы.

Всех накормили, кого могли, одели, всех приласкали сестры и повели детей в свой монастырь. Тех, которые не могли идти, несли на своих руках. С большим трудом добрались они до своего монастыря, поместили детей где только могли в своих убогих помещениях, омыли их, одели и долгое время растили их, как мать своих родных детей.

Кончилась война. Дети были переведены в детские дома, в приюты разных городов. Сколько было слез и плача при расставании. Многие дети совсем не хотели уходить из монастыря. Они полюбили сестер своим детским сердцем, и в лице их нашли себе родных матерей.

Прошло несколько лет. В монастырь стали поступать письма благодарности от взрослых ребят и девушек. Они уже учились в институтах, вузах, многие из них стали инженерами, техниками, врачами. И мать Павлина, получая эти письма, радовалась со своими сестрами и благодарила Бога, что Господь помог им сделать такое доброе дело.

ОДИН ГОЛОС

«Всем сердцем и устами пойте и благодарите имя Господа» (Сир. 39: 42).

Князь Федор ехал на своем коне по лесной опушке. Вот он поднялся на гору и въехал в лес. Подъехав к одному большому дереву, он остановился и слез с коня. Варуг он услышал шипение в траве и увидел, как, прижимаясь к земле, на него ползет огромная змея. Конь рванулся в сторону, и князь остался один на один со страшной змеей. У князя было единственное оружие — крест и небольшой кинжал. Отградив себя крестным

знаменем, князь шагнул к своему врагу. Произошла смертельная битва. Чудовище раскрыло свою пасть и пыталось проглотить человека. Но князь ловким ударом вонзил свой нож в глаз чудовищу и намеревался вторым ударом поразить его и во второй глаз. Дракон взвился, как молния, и, издав пронзительный свист, рванулся в сторону и стремительно скрылся в гуще леса.

Получив от Бога такую победу, князь Феодор Кариатович решил на этом месте соорудить монастырь. Он стал ходить по горному лесистому склону, выбирая по-лучше место для монастыря. Затем он спустился на берег реки, называемый Латорица, и стал смотреть подходящее место. Вдруг князь заметил сильное колебание воды, и ему показалось, что посредине реки, сверх воды кто-то стоит. Видение имело ясное очертание, и князь с трепетом увидел, что это был Ангел. Небесный посланник стоял поверх воды и своей десницей показывал на правый берег реки. Князю стало все ясно, и он, благодаря Бога, до земли поклонился Его Вестнику.

Когда князь Феодор Кариатович поднялся с земли, Ангела уже не было. Он вернулся в свой замок и созвал своих вельмож. К удивлению князя все его советники были против задуманного им дела. Ни победа над змеем, ни явление Ангела, ни что другое не убеждало их. Тогда князь встал и сказал: «Я один подаю голос за это святое дело, и как вы увидите, монастырь будет построен».

Прошло около четырехсот лет. Монастырь, построенный добрым благодетелем князем Феодором Кариатовичем, до сих пор стоит, как белая невеста, на крутом берегу реки и любовно глядится в чистую воду.

«И врачуют рану дочери народа Моего, легкомысленно говоря: мир, мир! А мира нет» (Иер. 8: 11).

Перепутье

Опять в Закарпатье, в горах каменистых,

Дубравах, желтеющих листвою златой,

Смотрю в синеву я эфира душистого,

Исполненный Богу сердечной хвалой.

На склоне горы, в тишине безмятежной,

Одетая в скромный лавичий убор,

Обитель святая стоит белоснежная,

Зовя своих путников в вышний простор.

Как дивный маяк средь житейского моря,

Стоишь ты, обитель святая, вдали;

Трудятся сестрицы в священном покое,

Предав Богу волю и души свои.

И ты, странник бедный, вечерней порою

Нашел здесь затишье в чужбине глухой,

Гонимый арузьями, бичуем судьбою;

Когда ж завершится суровый путь твой?

На склоне горы, при закате багровом

Минувшего Солнца, угасшего дня.

Плывет будто звон, в рыдании новом,
Восторге ль, печали обитель моя?..
Скажите мне братья, поведайте сестры,
Какой мой дальнейший намеченный путь?
Тропинка крутая, каменья остры;
Болит мое сердце и давит мне грудь.
Но что ни случилось в нагрянувшей ночи,
Разят пусть удары коварной судьбой,
Обитель святая прибавит мне мочи,
Она и поныне стоит над горой.
Так стой же ты вечно, «голубка святая»,
На склоне горы и последних веков,
Веди нас в края, где болезней не зная,
Живут наши сестры и души отцов.
Но, чу! Что-то грянуло с неба багрового,
Удар за ударом неверной судьбы.
Решители властного шествия нового
Наметили путь мне для новой борьбы.
Не зная вины, без вины виноватый,
Я должен обречь себя в новый поход.
Иди ты, мой братец, на путь злом чреватый,
Гонимый волною рокочущих вод...
И снова скитаюсь я в горной пустыне,
Где мало друзей и так много врагов,
Чернеют утесы, зияют стремнины,
Погас и не виден мне свет маяков...